

НОВГОРОДСКИЕ «ВЫВОДЫ» 1480-х ГОДОВ В СВЕТЕ ГАНЗЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Новгородские «выводы», как принято называть массовую депортацию новгородского боярства, именитого купечества и рядовых горожан, имевшие место в 80-х гг. XV в. после окончательного присоединения Великого Новгорода к Московскому государству, неоднократно становились объектами исследований. При всей вариативности отношений историков к проблеме «выводов» эти акции воспринимаются обычно как элемент великокняжеской политики, нацеленной на подрыв экономики Великого Новгорода, подавление центробежных устремлений новгородцев и укрепление власти московского государя в его новгородской «отчине»¹. В советской историографии получила развитие посылка об их взаимосвязи с намерениями московских государей развивать русскую торговлю на Балтике, чему якобы мешала не только Немецкая Ганза, но и косность торговой практики Господина Великого Новгорода². Обращение к ганзейской документации мало что дает для

¹ *Cosack H.* Livland und Ruffland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag // HGBU. Bd. 28, 1923. S. 1-60; Bd. 31, 1926. S. 87; *Leuschner J.* Novgorod. Untersuchungen zu einigen Fragen seiner Verfassungs- und Bevölkerungsstruktur (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens 107). Berlin, 1980. S. 133-252; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий (Очерки социально-пошггической истории). М.: Мысль, 1982. С. 76-92; *Schubert B.* Die russische Kaufmannschaft und ihre Beziehungen zur Hanse // Der hansische Sonderweg? Beiträge zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Hanse. Hrsg. S. Jenks [u. a.]. Köln [u. a.], 1993. S. 13-22; *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 123-157; *Скрынников П. Г.* Трагедия Новгорода. М.: Просвещение, 1994. С. 13-19; *Selart A.* Zur Geschichte der Russen in Livland um die Wende des 15. zum 16. Jahrhundert: Der Vorwand zur Schließung des St. Peterhofes in Novgorod in Jahr 1494 // Stadtisches Leben in Baltikum zur Zeit der Hanse: Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar. Hrsg. N. Angermann. Liineburg, 2003. S. 197-204; *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М.: Академия, 2006. С. 456-458; *Бессуднова М. Б.* Великий Новгород в конце XV - начале XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 36-38.

² *Вернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 314-324, 336-338, 349-351; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV - начало XVI в. Л.: Наука, 1975. С. 195-196.

выявления природы «выводов»³, в сознании западноевропейцев однозначно связанных тиранической формой правления великого князя, но проливает свет на характер новгородско-ганзейских деловых связей и последствия великокняжеского вмешательства в развитие русской торговли с Западной Европой.

Разговор следует начать с того, что сам факт перехода Великого Новгорода под руку великого князя Московского Ивана III (1462-1505) первоначально не произвел на города Ганзейского союза шокирующего действия. Годы спустя западные хронисты будут писать о его тяжелых последствиях⁴, но в 1478 г. появление в русско-ганзейских отношениях нового и очень влиятельного фигуранта осталось почти незамеченным. Весной 1480 г. магистраты ливонских городов предложили Любеку как главе Ганзы и прочим вендским городам привлечь великого князя к подписанию нового 20-летнего торгового мира с Новгородом с тем, чтобы он «вместе со всеми целовал крест о мире» (*dar mede yn then, den vrede mede crucekussendef*, вряд ли понимая, что подобная роль того не устроит. В свою очередь, Иван III первоначально не чувствовал острой необходимости что-либо менять в сложившейся торговой деятельности новгородцев и уже 1478 г. своей «золотой грамотой» утвердил новгородско-ганзейское соглашение 1472 г. «Милостью Божией государь всея Руси, великий князь и государь Москвы, Новгорода, а также иных русских [земель], немецким купцам и купеческим детям *{koplude kinder}*, которые били мне челом, и купеческому старосте (*olderman der koplude*) Гансу Харвигу пожаловал милость, по которой они могут с нами в нашей отчине Великом Новгороде свободно торговать по старине (*upt olde*) совместно со всеми [купцами] из Риги, Дерпта, Ревеля и семидесяти трех немецких [ганзейских] городов; и я им здесь в нашей отчине Великом Новгороде пожаловал милость приезжать по старине, когда им захочется, с любого рода товарами по воде и по суше для торговли в нашей отчине Великом Новгороде, а также выезжать из нашей отчины Великого Новгорода, когда им захочется, без всякого препятствия; если же в нашей отчине Великом Новгороде учинится что-либо над

³ Подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Право «вывода» и власть «государя» // Россия на путях централизации: Сб. ст. / Ред. Д. С. Лихачев и др. М.: Наука, 1982. С. 36-41.

⁴ *Johannes Dlugossi seu Longini <...> Historiae Poloniae liber XIII et ultimus, tomus secundus.* Lipsiae, 1712. Sp. 588; *Albert Krantz.* Wandalia. Lib. 1, 92. Cap. 2. S. 5; Mathis von Miechow. Tractat von beiden Sarmatien. Augspurg, 1518. S. 357; *Rerum Moscoviticarum Commentary Sigismundi Liberi Baribis in Herberstain <...>.* Basileae, 1556. S. 74 (*Гербернштейн С.* Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. С. 148); *Die Chroniken der deutschen Stadte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert.* Die Chronikem der niedersachsischen Stadte. Liibeck. Bd. 1. Th. 1. Leipzig, 1911. S. 204; *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997. С. 32, 34; Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Ред. О.Ф.Кудрявцев. М., 1997. См. также: *Wiegand G.* Berichte iiber Osteuropa in spatmittelalterlichen deutschen Stadtchkoniken // *Rutland und Deutschland.* Hrsg. U. Liszkowski. Stuttgart, 1974. S. 26-28.

⁵ *Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage.* Abt. 3: 1477-1530 (далее - HR 3). Hrsg. D. Schafer. Mtinchen, Leipzig, 1888. Bd. 1. № 277, § 13. S. 233.

немцем или же немец учинит что-то кому-либо, то пусть их рассудит и приговорит (*recht geberi*) наш великого князя наместник (*stedeholder*) новгородский»⁶. Уступчивость, проявленную Иваном III в момент его воцарения в Новгороде, Н. А. Казакова объясняла нежеланием раздражать новгородцев во время, когда еще не было завершено объединение русских земель и Русь не освободилась окончательно от татарского ига⁷. Можно также вспомнить о стремлении Ивана III установить тесные отношения с европейскими государями, обеспечить надежные каналы поставок западноевропейского вооружения, металлов, заморских редкостей для нужд двора, боевых коней и т. п. и приглашать в Москву западноевропейских мастеров, что невозможно было сделать без содействия Ганзы⁸.

Гораздо больше волнения было проявлено магистратом Дерпта (Тарту) и властями Нарвы в связи с грабительскими рейдами русских вооруженных отрядов в их владения, имевших место в том же 1478 г., ответом на которые стали аресты русских купцов в ливонских городах, поход дерптцев на Псковщину и закрытие новгородской конторы Ганзы (Немецкого подворья)⁹. Война Ливонского ордена с Псковом 1480—1481 гг. несколько приостановила разработку нового русско-ганзейского договора, начавшуюся лишь в 1484 г.¹⁰ Летом 1484 г. о восстановлении Немецкого подворья в Великом Новгороде ходатайствовали перед наместниками великого князя посланцы Дерпта¹¹. Вопрос о незамедлительном подписании нового торгового договора с Новгородом и восстановлении ганзейской конторы стоял на повестке дня ливонского ландтага, собравшегося в Вольмаре (Валмиере) 15 января 1486 г.¹², сами же переговоры начались лишь в феврале 1487 г.

Ливонская сторона предложила восстановить условия 1472 г., «чтобы церковь и [Немецкое] подворье обстроить и чтобы купцы <...>

⁶ Hansisches Urkundenbuch. Bearb. K. Hohlbaum [u. a.]. Halle [u. a.], 1939 (далее HUB). Bd. 11 № 102, § 3. S. 67.

⁷ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 180.

⁸ Бессуднова М. Б. Великий Новгород в конце XV - начале XVI в. С. 29-30.

⁹ Там же. С. 28. См. также: Бессуднова М. Б. Русско-ливонские отношения в конце XV в.: Истоки конфликта. М.: Квадрига, 2014.

29 февраля 1484 г. состоялась встреча по этому вопросу представителей ливонского магистра Берндта фон дер Борха (1471-1483) с посланцами Новгорода в Нарве (Hildebrandt. Bd. 4. № 338. S. 760).

Дерптцы просили их «взять под защиту церковь и двор, чтобы придерживаться старины (*upt olde*)». Ответ был дан только 16 октября, вероятно, после того, как в Новгороде узнали о воле великого князя. Текст самого документа утрачен, но из отзыва на него дерптских ратманов известно, что их предложение восстановить «старину» (*ей alt herkomeri*) те «восприняли иначе, чем мы написали» (HR 3. Bd. 1. № 580). Полученный из Новгорода ответ, видимо, был очень неопределенен, а потому власти Дерпта и Ревеля (Таллинна) приняли решение вновь отправить послов к новгородским наместникам (HR. 3. Bd. 1 Bd. 2. № 22; HUB. Bd. 10. № 1242), но об исполнении этого намерения ничего не известно.

HUB. Bd. 11. № 2. HUB. Bd. 11. № 39. 9 марта 1486 года предложение ливонских городов было одобрено Любекским ганзетагом. - HR 3. Bd. 1. № 26, §§ 26, 27, 83.

имели возможность (букв.: свой путь) торговать всеми товарами по старине, равным образом и новгородские купцы в [ливонских] городах»¹³. Из письма, направленного в те дни в Любек, можно узнать об основных пунктах, которые ливонцы вынесли на обсуждение в ходе переговоров: «Во-первых, о свободе, которую новгородцы должны иметь в Нарве; затем о господине магистре; затем о завешивании в городах; затем о вывозе лошадей; затем о наказании за повреждении бороды; затем о проводниках; затем о торговле всеми без исключения товарами; затем о том, что дворовый кузнец не должен продавать [крепкие] напитки иначе как бочками; затем о Русском конце в Дерпте; затем о том, чтобы собраться вместе с городами на съезд в Нарве; затем о коротких [отрезах] и длине сукна; затем об упаковке сельди; затем о меде»¹⁴. Нет необходимости подробно останавливаться на анализе этой программы, поскольку это уже неоднократно делалось¹⁵, но следует отметить, что все пункты, за исключением раздела о «господине магистре», касались торговли ганзейцев с новгородцами и их повседневного общения. Великий князь в целом одобрил сохранение русско-ганзейской «старины», но настоял на включении в текст некоторых пунктов, противоречивших традиции¹⁶. Новый русско-ганзейский договор был подписан в феврале 1487 г.¹⁷, но в Ревеле и Дерпте не слишком верили в его долговечность¹⁸. Вместе с тем ганзетаг, проходивший в Любеке с 15 августа 1486 по 24 мая 1487 г., расценил его как безусловный успех ганзейской политики¹⁹.

Подписание торгового мира создавало все условия для возобновления взаимовыгодной торговли, которая веками обеспечивала стабильность экономических и политических отношений Ливонии и Северо-Западной Руси²⁰. Весной 1487 г. с началом морской навигации, «по первой воде», в Новгород прибыли ганзейские купцы. Жизнь вернулась на Немецкое подворье, но уже в начале лета у его обитателей начались проблемы. В этой связи уместно обратиться к письму дерптского епископа Дитриха Хаке (1485-1498) от 25 июня 1487 г., адресованному ливонскому магистру Иоганну Фрайтагу фон Лорингхофену

¹³ HUB. Bd. 11. № 102, § 4.

¹⁴ HUB. Bd. 11. № 102, § 8.

¹⁵ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 182-187; Бессуднова М. Б. Великий Новгород в конце XV - начале XVI в. С. 30-36.

Там же.

¹⁷ HR3. Bd. 2. № 136; HUB Bd. 11. № 102; Goetz L. K. Deutsch-riissische Handelsvertrage. S. 219; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 182-194.

¹⁸ Их слова: «Это мост, который нельзя перегружать, иначе он рухнет в воду» (*Id is eyne brugge, daromme nicht to vele uplegge, se vellet anders int wather*) (HUB. Bd. 11. № 102, § 16. S. 72).

¹⁹ Рецесс Любекского ганзетага от 24 мая 1487 г. (HR. 3. Bd. 2. № 160; HUB. Bd. 11. № 189).

²⁰ Angermarm N., Endeil U. Die Partnerschaft mit der Hanse // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 11.-17. Jh. Hrsg. D. Herrmann. Munchen, 1989. S. 89.

(1483-1494). Его содержание в целом не касается затронутой здесь темы: епископ пытался объяснить свой отказ подчиниться указанию архиепископа Риги Михаила Гильдебрандта (1484-1509) и прибыть в на совещание в город Смилтен, расположенный в рижской епархии, что, по мнению епископа, могло быть расценено как знак его зависимости от Рижской церкви. Епископ утверждал, что его поездке в Смилтен мешает угроза русского нападения на его владения и подтверждение своих опасений ссылается на уведомление, полученное от служащего Немецкого подворья Керстена Хинкельмана. 2 июня 1487 г. тот отправил дерптскому бургомистру Тидеману Херке письмо, в котором просил адресата задержать выплату денег русским, которую Хинкельман обязался произвести во время переговоров в Нарве. Видимо, речь шла о какой-то купеческой сделке на условиях кредита. Интересно, что просьбу свою коммерсант сопровождал сведениями, полученными им в Новгороде, которые гласили, что как только русские войска под Казанью выполняют свою задачу, великий князь перебросит их в Новгород, чтобы использовать в войне против Ливонии. Тот же купец сообщал, что пересылка корреспонденции из Новгорода в Ливонию прекращена по распоряжению наместников великого князя, но это письмо он все-таки тайно передаст с оказией через одного новгородца, вероятно, такого же купца \

Из Дерпта новость о том, что «новгородские купцы вместе с пожитками, имуществом, женами и детьми достойным сожаления образом были выведены великим князем» (*jamerlike de Nougarder coipman van deme groitforsten myt lyve, gude, wyve und kinderen vorvoret wert*), сооб-

²¹ «*wo van dessnn dage her Tademan Heriken, Burgenmeister my eynen bre(ve) leyt lefien, den he ock denn deken vor gelefien hadde, den hadde ersten Brynkelman syn oem to Nowgarde upp Pinxst avendt van sick gescreffen*), *dar inn he manich swerheid, dessen armen lande to bevruchtende beroret, wo dat de Grotffurste van Mofikow alle de Koplude, uth Nouwgarden myt wyven und kyndem leth voren, na Mofikow, dat dar grot wenet unde hantslagenth defihalven tho Nowgarden is, unde der hovetlude van Nowgarden was wat na Mofikow getogen, de synt wedder ume getogen gekomen, de sollen seggen wo dat de koppman mosten geven solk geld alfio se dencken to nehmen van desfien lande, dat mosten fie dem konyng geven, de will dat manen tho der Nowe upp den dage unde maken dar eyne sake uff, wante in dessem lande en sygeyn volk myt alle dat en solle ein oucht entstein, fio vor syn volk wedder ume komet, dat na Kasanth ifi myt groter macht, fio willenfie dit landtfioken etc., de pefikouwerschenn boden de an den Konyneck weren gesandt, de synt wederume gekomen und weren nicht to Nowgarden to gekomen. Se hedden eren konyneck gerne affgehad, sender de grotfursten en wolde noch nicht fie mosten sick noch liden myt erem konyng desse sake unde meren under swetheid hedde ick ne geseen her Tydeman juwer gnade gescre(even) hedde ume sake willen, juwe gnade wolweth. So was he dat unbillich tho etc. ock steyt in dem bre(ve) dat de hovetlude to Nowgarden geyne breve willen uthsteden, den bre(ve) moste he myt enem Russen hemelike uth schicken ock hadden en deill der Russen Kersten Hinckelman tho Nowgarden geboden, he dit van sick solde scryven hyr inth landt obarschonbige to donde, dessen armen lande hyr up sy myt den besten tofynen tyd vordachtjuwe gnade defiuve ick dode almech-ch salich unde gefiundt bevele. Gescre(even) myt der hast tho Darpthe am achtete dage unfies hernen lichames dage anno etc. lxxxvij*» (Geheimes Staatsarchiv preuPischer Kulturbesitz, Berlin (GStA PK). XX, HA OBA № 17333). Публ.: Mitteilungen aus der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd. 4. № 8. S. 143-147.

шалась в Ревель . В том же послании от 25 июня 1487 г., адресованном ревельскому бургомистру Иоганну Ротерту, говорилось о том, что в Дерпт ежедневно приходят сведения (*dagelixs tidinge*) о плохом обращении великокняжеских наместников с обитателями Немецкого подворья, которые просят воздействовать на новгородские власти с тем, чтобы они «сохраняли в отношении подворья старину» (*de hove by den olden bliven muchteri*).

То, что информация из Новгорода попадала в Ливонию чаще всего не через Ревель, где располагался «новгородский стапель», а через Дерпт, расположенный много ближе к границе и имевший тесные контакты с Псковом, не вызывает сомнений в ее достоверности. Возвращаясь к письму дерптского епископа, отметим, что, если пассаж об ожидаемой переброске войск из-под Казани, которая, к слову сказать, на момент составления письма (25 июня) еще не покорилась Ивану III - это произойдет лишь 9 июля, - можно признать досужим домыслом, то изоляция только что открытого Немецкого подворья и впрямь произвела впечатление тревожного предзнаменования. Ганзейским купцам не объяснили, чем был вызван запрет на пересылку писем в Ливонию, а потому им легко было поверить в худшее. Они все еще не могли понять, насколько сильно изменился характер их общения с новгородскими властями, обвиняли их в своих бедах, не понимая, с обстоятельностью их пребывание в Новгороде теперь диктовалось не интересами торговли, но политическими расчетами Ивана III.

Чем были вызвана изоляция подворья, судить трудно. Возможно, это было связано с начавшимся выселением из Новгорода именитого купечества. Кстати, этим можно объяснить просьбу ганзейского купца не производить денежного расчета с русскими, поскольку тот, кому были предназначены его деньги, скорее всего, уже не мог их получить. Одно несомненно - летом и осенью 1487 г. никаких военных действий между Московским государством и Ливонией не велось, да и сами русско-ливонские отношения в тот период развивались вполне мирно. 27 сентября магистр Фрайтаг написал верховному магистру Мартину Трухзесу фон Ветцхаузену (1477-1489), что ожидает русское посольство, с которым ему предстояло вести переговоры по продлению мирного договора, и обеспокоен его промедлением². Впрочем, особой тревоги ливонский магистр не проявлял и просил главу Немецкого ордена не отменять намеченную «визитацию» (инспекцию) ливонских конвентов, отложив ее до Рождества²⁴. Содержание другого его письма, датированного 8 ноября, дает понять, что к тому времени переговоры о про-

HR 3. Bd. 2. № 174.

GStAPK. XX, НАОВА. № 17347.

GStAPK. XX, НАОВА. № 17364.

длении перемирия уже шли полным ходом и, возможно, дали позитивный результат²⁵.

Следует отметить, что в ганзейских источниках отсутствуют сведения о переселениях новгородского боярства, имевших место в 1478—1479 и 1484 гг.²⁶, что объясняется, во-первых, отсутствием ганзейцев на Немецком подворье, пустовавшем с 1478 по 1487 г., и, как следствие, ограниченностью поступавшей к ним из Новгорода информации, а во-вторых, отсутствием связи между «выводами» тех лет и тем социальным пространством, в пределах которого протекала деловая и бытовая жизнь ганзейского купца в «волховской метрополии». Речь идет об именованном купечестве и житых людях, с которыми ганзейцев связывали не только торговые интересы, но, как это показали современные исследования, и дружеские связи²⁷. Равнодушие ганзейцев к судьбе новгородского боярства, таким образом, можно считать косвенным свидетельством отсутствия между ними прямых торговых контактов. Достоинно внимания и то обстоятельство, что для купцов с Немецкого подворья новгородские «выводы» 1487 г. ассоциировались с ухудшением собственного положения, что, однако, нельзя связывать с целенаправленной политикой великого князя, направленной на ограничение ганзейской торговли в Новгороде.

Из Никоновской и Иосафовской летописей известно, что первые массовые выселения купцов из Новгорода производилось в «лето» 6995, т. е. в период с 1 сентября 1486 по 31 августа 1487 г. («Того же лета князь великий перевел из Великаго Новагорода в Володимерь лучших гостей новгородских пятдесят семей»²⁸). Приведенные выше ганзейские документы позволяют уточнить время проведения этой акции и датировать ее маем - началом июня 1487 г. В ганзейской переписке просматривается сочувствие к новгородским переселенцам, нашедшее отклик в сочинении немецкого гуманиста и дипломата Альберта Крантца, побывавшего в Ливонии в 1491 г.²⁹

Летописи называют еще два тура новгородских «выводов» - в 6996 г., когда «князь великий Иван Васильевич вывел из Новгорода

²⁵ GStA PK. XX, HA OVA. № 17362. Следующий их тур состоялся лишь осенью 1489 г., из чего следует, что в ноябре-декабре 1487 г. русско-ливонское перемирие было продлено на два года.

²⁶ *Вернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля. С. 314—324.

²⁷ *Angermann K, Endeil U.* Die Partnerschaft mit der Hanse. S. 83-115; *Хорошкевич А. Л.* «Дружба» и «ссора» в бытовом общении русского и иностранного купечества XVI - первой половины XVII в. // Россия и мировая цивилизация: к 70-летию А. Н. Сахарова. М., 2000. С. 141-151; *Selart A.* Zur Geschichte der Russen in Livland. S. 199. Среди депортированных в 1487 г. новгородцев были купеческие старосты Иван Елизарович и Никита Леонтьевич, которые принимали участие в переговорах по поводу заключения торгового мира 1487 г., а потому хорошо известны ганзейцам (ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 263-265).

²⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 219; Иосафовская летопись / Ред. А. А. Зимин. М., 1957. С. 126-127.

²⁹ *AlbertKrantz.* Wandalia. Lib. 1, 92. Cap. 2. S. 5; Lib. 13. Cap. 15. S. 301.

новгородцев торговых людей много, и посажа их на житие по всем городам московским»³⁰, и в 6997 г., на который пришелся пик выселений новгородцев³¹. Прямых указаний на них в ганзейской переписке 1488-1489 гг. обнаружить не удалось - видимо, потому что не сей раз они не сопровождалась ограничением деятельности Немецкого подворья, как это было в 1487 г. Впрочем, их последствия ганзейцы не могли не почувствовать. Для них депортация новгородских купцов также оказалась серьезным испытанием, поскольку означала разрыв старых деловых связей, сокращение спроса на западноевропейские товары, ограничение закупок русского экспорта и, как следствие, значительные убытки. В результате депортаций произошло резкое сокращение того самого социального слоя, на существование которого была рассчитана вся система новгородско-ганзейской торговли. Новые люди, переселившиеся в Новгород по воле великого князя, не имели капиталов, достаточных для заключения сделок с привыкшими к размаху ганзейцами, не обладали опытом ведения торговли с западноевропейскими странами и устойчивыми партнерскими отношениями, без которых немислимо было совершение кредитных операций, к тому времени прочно утвердившихся в русско-ганзейской торговле; они мало что знали о новгородско-ганзейской «старине» и зачастую не могли преодолеть настороженность, которую испытывали православные люди к «поганым латинянам»³². Сигизмунд Гербернштейн напишет позже: «Народ там был обходительный и очень честный, но ныне он крайне испорчен, чему, вне сомнения, виной московская зараза, занесенная туда заезжими московитами»³³. П. Йохансен по этому поводу выскажет предположение, что под словом «зараза» (*pestis*) автор записок имел в виду нечестность переселившихся в Новгород московских купцов³⁴, хотя не исключено, что причиной тому было отсутствие у них должных навыков.

Искусственный дефицит торговых партнеров, с которым столкнулись ганзейцы в Новгороде в конце 1480-х гг., породил у них желание ограничить число купцов Немецкого подворья. В феврале 1488 г. городской совет Нарвы обратился в Ревель с настоятельной просьбой запретить администраторам подворья исключать из числа своих постояльцев граждан Нарвы, которые действовали как посредники в интересах кого-либо из ганзейцев; наряду с Гартлифом Пеперзаком, в будущем прославленным дипломатом, которому пребывание на подворье было запрещено, названы имена еще пяти нарвских граждан, которым, по-видимому, угрожала та же участь³⁵.

³⁰ Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись // ПСРЛ. Т. 30. М., Наука. 1965. С. 137.

³¹ *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. С. 458.

³² *Angermann K, Endeil U.* Die Partnerschaft mit der Hanse. S. 86; *Selart A.* Zur Geschichte der Russen in Livland. S. 201.

³³ *Гербернштейн С.* Записки о Московии. С. 150.

³⁴ *Johannsen P.* Baltasar Rttisow als Humanist und Geschichtsschreiber (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte 14). Köln, 1996. S. 67-69.

³⁵ НУВ. Bd. 11. №203.

Между тем устранение старого купечества и наплыв в Новгород людей «с Низу» создавали благоприятные условия для дальнейшего наступления новгородских властей на новгородско-ганзейскую «старину», которая образовывала правовую базу экономического сотрудничества Великого Новгорода с городами Ганзейского союза. В ноябре 1488 г. в нарушение недавно утвержденного торгового договора новгородские наместники распорядились производить завешивание импортируемой в Новгород соли, которую обычно продавали мешками; мёд ганзейцы также должны были продавать не бочонками, а после предварительного взвешивания³⁶. В 1487 г. при обсуждении условий будущего договора русская сторона настаивала на введении в него пункта о взвешивании соли и мёда, но в окончательный текст договора он не вошел – по мнению Н. А. Казаковой, из-за нежелания великого князя осложнять отношения с Ливонией перед походом на Казань³⁷. Ганзейцы восприняли нововведение очень болезненно, с полным на то основанием посчитав его нарушением договорных обязательств (*jegen den crusbreffff**). Когда новость узнали в Ревеле и Дерпте, магистраты обоих городов решили срочно направить посольство к великому князю и от лица всей Ганзы просить воздействовать новгородские власти, которых считали виновными в самоуправстве. Для исполнения столь ответственной миссии дерптцы избрали старосту (хофескнехта) Немецкого подворья Ганса Хартвига, а Ревель – своего ратмана Томаса Хагенбека³⁹.

В феврале 1489 г. посольство прибыло в Москву, а 19 марта уже вернулось в Новгород⁴⁰. Любопытно, что в одно время с ними в Москве находился новгородский наместник Яков Захарович Кошкин⁴¹, верный слуга государя и активный проводник прomosковской политики, однако были ли эти визиты взаимосвязаны, сказать трудно. Во время аудиенции посланцы передали Ивану III письмо ливонских городов с изложением своих жалоб⁴, а кроме того просили Ивана III разрешить им торговать в Новгороде не только с новгородцами, но и с купцами из других русских городов. Свою просьбу они мотивировали тем, что купцы, которых «теперь в Новгороде не так много», не обладают средствами, достаточными для ведения торговли, и обитателям Немецкого подворья некому сбывать завезенный товар⁴³. Массовые «выводы» новгородских купцов и образовавшийся вследствие них дефицит дееспособных торговых партнеров, таким образом, в 1489 г. стали представляться ганзейцам очень серьезной проблемой, раз они в целях ее разрешения вышли на столь высокий уровень. По той же причине Хартвиг и Хагенбек при-

³⁶ HUB. Bd. 11. № 277. S. 202; HR 3. Bd. 2. № 261.

³⁷ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 194.

³⁸ HUB. Bd. 11. № 277. S. 202; HR 3. Bd. 2. № 261.

³⁹ HR 3. Bd. 2. № 259.

⁴⁰ HR 3. Bd. 2. № 261.

⁴¹ HUB. Bd. 11. № 279, § 8. S. 206

⁴² HUB. Bd. 11. № 277. S. 201–204.

⁴³ HUB. Bd. 11. № 276. S. 200–201.

зывали великого князя воспрепятствовать торговле в Новгороде граждан городов, не входивших в Ганзейский союз⁴⁴. Камень был брошен в сторону Нарвы, которая не являлась ганзейским городом, но к концу XV в. превратилась в процветающий торговый город⁵.

Ответ великого князя, полученный посланцами Ревеля и Дерпта, был довольно уклончив. В отношении взвешивания соли и меда Иван III велел передать со ссылкой на «людей из Новгорода и Владимира» - вероятнее всего, из числа новоприбывших в Новгород, - что намерен блюсти интересы русского купечества и, поскольку ганзейцы произвольно меняют емкость мешков и бочек, будет требовать взвешивания указанных товаров. При этом он слукавил, заявив, что его приказ касается только новгородских купцов, а ганзейцы могут, как и прежде, продавать свои товары без взвешивания⁴⁶. Со всеми жалобами великий князь пообещал разобраться лично во время предполагаемой поездки в Новгород; Хартвиг и Хагенбек должны были ожидать его там, «чтобы узнать, кто из двух сторон прав, а кто неправ (*umme to weten, wol recht ofte unrecht is van beiden syderi*)»⁴⁷. По поводу торговли ганзейцев с «гостями» из других русских городов и об ограничении доступа в Новгород нарвских купцов ничего не было сказано.

После возвращения посланцев на родину и оглашения воли великого князя городской совет Дерпта сразу же связался с Ревелем и Ригой и предложил организовать совместную встречу для обсуждения сложившегося положения, казавшегося настолько серьезным, что они высказались за созыв ландтага и за отправку к Ивану III нового, более представительного посольства⁴⁸.

Граждане Ревеля решили проявить принципиальность и сопротивляться внешнему давлению, а потому предложили действовать в соответствии со «старинной» - в ответ на нарушение договора русской стороной вывести ганзейские товары из Новгорода и закрыть Немецкое подворье⁴⁹. Они отказались участвовать в организации нового посольства в Москву⁵⁰ и вместо этого обратились к заступничеству «заморской» Ганзы. Они просили ратманов Любека переговорить о трудностях, которая испытывала ганзейская торговля в Новгороде, с московскими послами, следовавшими ко двору императора Фридриха III⁵¹. В

⁴⁴ «*Nauwerschen (Narwesschen) unde van anderen steden, de nicht en siin in deme tale dusserstede*» (HUB. Bd. 11. № 277. S. 203, § 8. S. 20).

⁴⁵ *Kivimae J. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West // Narva and Ostseeregion. Beitrage der 11. Internationalen Konferenz fiber die politishen und kulturellen Beziehungen zwischen Russland und Ostseeregion. Hrsg. K. Briiggemann. Narva, 2004. S. 17-28.*

⁴⁶ HR 3. Bd. 2. № 261.

⁴⁷ Ibid.

Посольство должно было отправиться в Москву не позже июня. HR 3. Bd. 2 № 262, 263; HUB. Bd. 11. № 289. S. 213-214.

⁴⁹ HUB. Bd. 11. № 289. S. 213.

⁵⁰ HUB. Bd. 11. № 296.

⁵¹ HR 3. Bd. 2. № 264.

результате из Любека к великому князю было отправлено послание, к которому ревельцы приложили свое письмо⁵², но особого эффекта оно не произвело. Великий князь лишь повторил решение «приговорить» по всем спорным вопросам в присутствии ганзейских представителей по приезду в Новгород⁵³.

В Новгороде Иван III не появился. Вместо этого в конце июля - начале августа 1489 г. существенно возросли «весовые деньги» («весчье») при взвешивании ганзейских товаров⁵⁴. Похоже, что с помощью подобной меры власти города пытались хоть как-то компенсировать падение доходов от «заморской» торговли, которая при сложившихся обстоятельствах - из-за депортации купцов, нарушений «старины», уменьшения числа иноземных купцов, приезжавших в Новгород⁵⁵ и т. п., - не переставала сокращаться. В историографии, в частности, присутствует мнение, что «выводы» на некоторое время почти полностью парализовали новгородскую торговлю⁵⁶.

18 августа об увеличении «весчье» узнали в Дерпте и Ревеле⁵⁷, после чего ревельцы также повысили тарифы за взвешивание товаров русских купцов, причем ровно настолько, как в Новгороде, полагая, что великий князь не преминет обратить на это внимание, поскольку в Ревеле в то время находились лично ему принадлежавшие товары⁵⁸. Вместе с тем ситуация могла оказаться очень опасной, поскольку Иван III обычно не просил подобного обращения. Это отлично понимало руководство Ганзы, а потому Любека прислал в Ревель пришло письмо с предостережением и рекомендацией держаться с русскими как можно осторожнее и не давать великому князю повода еще более ухудшить условия пребывания ганзейских купцов в Новгороде⁵⁹. Однако власти Ревеля продолжали стоять на своем. В одном из конфиденциальных писем, адресованном руководству Ганзы, ревельский магистрат предлагал обсудить дальнейшую судьбу «новгородского стапеля», иными словами - целесообразность дальнейшего присутствия ганзейцев в Новгороде⁶⁰.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что наиболее значимыми для ганзейских купцов, торговавших в Великом Новгороде после восстановления в 1487 г. Немецкого подворья, были «выводы» новгородских купцов 1487-1489 гг., которые нарушили систему новго-

⁵² HR 3. Bd. 2 № 264, 265. HUB. Bd. 11. № 296. Имена посланцев упомянуты в ганзейской переписке. HUB. Bd. 11. № 301, § 3.

⁵³ HUB Bd. 11. № 316. S. 231.

⁵⁴ HR 3. Bd. 2. № 266.

⁵⁵ Если в середине XV в. на Немецком подворье каждый сезон проживало до 200 купцов, то на момент закрытия подворья в 1494 г. их было всего 47.

⁵⁶ *Goetz L.K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Liibeck, 1922. S. 170; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 196; *Бессуднова М. Б.* Великий Новгород в конце XV — начале XVI в.... С. 38.

⁵⁷ HUB. Bd. 11. № 310. S. 226-227.

⁵⁸ HUB. Bd. 11. № 315. S. 230.

⁵⁹ HUB. Bd. 11. № 344.

⁶⁰ HR 3. Bd. 2 № 266; HUB. Bd. 11. № 310, 315, 316, 317. S. 226-227, 230-231.

родско-ганзейского делового партнерства, формировавшуюся на протяжении длительного времени. Иван Ш вряд ли преследовал целью ее полное устранение, а потому постарался восполнить недостаток торговых контрагентов Ганзы путем перемещения в Новгород «низового» посадского люда, однако в силу различий в организации международной торговли в Новгороде и московских землях механическое перемещение массы людей проблему не решило. Точно так же, как не решало ее грубое попрание норм ганзейско-новгородской «старинны» великокняжескими наместниками, которое привело к нарушению условий торгового мира 1487 г. и ослаблению доверия ганзейцев к русско-ливонским договоренностям. Вероятно, уже тогда в ганзейской среде утвердилась мысль, высказанная в одном из ганзейских посланий 1521 г., согласно которой новгородцы в период новгородской вольности всячески защищали своих немецких партнеров, а московские власти этого не делают⁶¹. К этому можно добавить замечание А. Селарта, что действия новых новгородских властей - «выводы» в числе прочего - «создавали основу для образа врага, который оказался присущ русско-ливонским отношениям конца столетия»⁶².

⁶¹ HR 3. Bd. 7. № 413.

⁶² Selart A. Zur Geschichte der Russen in Livland. S. 203.